

A photograph of a dense pine forest. The trees are tall and thin, with green needles. A dirt path leads through the center of the forest. The ground is covered with dry, brown grass and fallen leaves. The sky is visible through the canopy of trees.

Никас Славич
Путь одиночки

Никас Славич

Путь одиночки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=58974772

SelfPub; 2024

Аннотация

Мирослав – самородок из отдалённого села в Приморском крае. Он не знаком с современными технологиями, новомодными веяниями в искусстве, но обладает разносторонними талантами – рисует, пишет книги и поёт. Ему предстоит до конца пройти путь одиночки – путь истинного таланта среди тех, кто в погоне за прибылью забыл о своём даре. Но всё же ему удастся встретить свою судьбу.

Содержание

Пролог	4
Глава первая. Писатель	7
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Никас Славич

Путь одиночки

Пролог

– Кто там ещё остался из соискателей? – сердито спросил Борис. – Заканчивать пора, на банкет опоздаем.

– Некий Мирослав Корнев, – проворчал угрюмый Сергей.

– Это что за ноунейм? Псевдоним такой? – язвительно поинтересовалась Марина.

– Судя по паспортным данным, подлинное имя.

Сергей устало и лениво посмотрел на рукопись. Ему, равно как и другим собеседникам за столом, изрядно опостылела обязанность знакомиться с произведениями конкурсантов. Но раз вошли в состав жюри, терпели – взамен пообещали банкеты (всё включено за счёт организаторов) и поощрения.

– Интересно, что за деревня, где подобные имена ещё сохранились? – спросила Марина. Её лицо выражало скорее отвращение, чем любопытство.

– Обратный адрес стоит «село Лазо, Приморский край». – Сергей ближе придвинул стопку распечатанных листов, глянул на данные автора. – Судя по фото, типичный деревен-

ский мужлан.

– Я смотрю, в писатели за последние годы лезут вообще все, неважно, есть у них филологическое образование или нет, – ворчливо сказал Борис. Он сдвинул брови и нервно подкрутил левый ус.

– И про что пишет сей самородок? – Марина устало откинулась на спинку удобного стула. Она внимала собеседникам вполуха.

– Если честно, я едва осилил половину романа. – Сергей протянул листы Марине, но журналистка, отмеченная десятками премий, не взяла их в руки, брезгливо отстранилась. – Перед нами банальное произведение про сельчан. Они отстаивают памятники архитектуры, построенные в годы основания Лазо, но бизнесмен настаивает на их сносе, чтобы строить современные особняки. Ближе к середине романа сельчане добиваются сохранения древних домов, но на этом не собираются останавливаться, настаивают на создании в регионе народного вече.

– Боженьки, какой архаизм всё ещё существует в двадцать первом веке! – Борис закатил глаза.

– Я тоже негодовал, когда дочитал до этого места. Дальше мне стало неинтересно. Сюжет, если честно, никакой.

– И вдобавок плагиат на «Аватара», – высказалась Марина, чем вызвала удивлённые взгляды мужчин. Она сделала выразительную паузу прежде, чем объяснить: – В фильме жители Пандоры отстаивают свои древние традиции и доби-

ваются успеха. Но в кино масштаб галактический, а здесь – сельский, потому и неинтересно. Неужели его роман опубликуют?

– Как ни странно, да, – подтвердил Сергей, – одно мелкое издательство выпускает серию про жизнь в глубинке. Но если даже роман напечатают, у него нет никаких шансов получить *нашу* премию.

– Естественно, с подобным сюжетом я не собираюсь при- суждать ему приз – даже поощрительный, – решительно заявила Марина.

– На этом и закончим, а то всё без нас съедят и выпьют, – подытожил Борис. Он поднялся из-за стола и не обратил внимания, что задел и уронил листы с рукописью.

Никто из уходящих участников жюри, представителей окололитературной элиты (сами давно ничего не писали, кичились прошлыми заслугами, в своё время купленными «по благу»), не потрудился поднять с пола отрывки из произведения. Лишь уборщица сначала поворчала, а затем заинтересованно взяла в руки упавшую распечатку романа. Она со слезами на глазах вспомнила прежнюю жизнь в подмосковном селе, прежде чем переехала в столицу. С тёплой ностальгией и щемящей грустью в сердце она села читать роман.

Спустя много лет роман Корнева станет классикой литературы.

Глава первая. Писатель

Мирослав искал вдохновение в природной стихии. Каждый вечер в свободное время он уходил за пределы родного села, сворачивал с просёлочной дороги, а затем шёл всё время разными путями. Нередко он сидел на берегу речушки Пасечной. Там Мирослав, тридцатипятилетний мужчина с лёгкими, первыми проблесками седины в рыжих волосах, разувался, присаживался на кромке берега и, побалтывая ногами в прозрачной воде, обдумывал сюжет очередного произведения – рассказа, повести или романа, что получится. Иногда он брал с собой стопку листов и ручку, записывал всё, что подарило вдохновение.

Муза прилетала с лёгкостью и быстротой, достаточно вслушаться в спокойное, плавное течение воды и мягкий шёпот листьев в кронах, колеблемых лёгким ветром. Несмотря на окружающую тайгу, Мирослав ничуть не боялся хищных зверей; он любил местную природу и знал, что без особой причины ни тигр, ни медведь нападать на человека не станут.

Мужчина писал увлечённо, не замечал сгустившихся сумерек. Но, едва совсем темнело, он лёгким движением поднимался и, не обуваясь, возвращался домой с ботинками в одной руке и рукописью в другой. Ему нравилось ощущать прикосновения трав, камешков, древесных корней к подош-

вам, чувствовать дыхание природы в удивительные моменты единения. Немногочисленные вечерние гуляки из местных поначалу косо посматривали на босого мужчину, идущего домой, но затем привыкли, не обращали внимания на чудачества.

С ранних лет для Мирослава лучшим занятием стало искусство. В детстве он удивлял всех пением. После ломки голоса сформировался сочный баритон. Рисование тоже удавалось ему. Но больше всего привлекало сочинительство: в голове постоянно мелькали образы, он хватался за них, с воодушевлением описывал персонажей, их поступки. Первый рассказ Мирослав написал в двенадцать лет, и с тех пор нередко уделял время писательству.

Правда, не обошлось в жизни без мрачного периода, когда стало совсем не до творчества. Родители однажды не вернулись домой. Пятнадцатилетний подросток с ужасом услышал на следующий день, что междугородный автобус из Находки перевернулся. Выжить удалось немногим, родителей Мирослава среди счастливиц не оказалось. Выяснилось, что водитель находился в нетрезвом состоянии. Поэтому юноша возненавидел алкоголь.

Подросток долго переживал горе. Пришлось спешно доучиваться в школе и подрабатывать по вечерам, чтобы выжить в одиночестве. Мирослав в те годы прославился угрюмым и мрачным одиночкой; его не интересовали молодёжные развлечения. Он ходил по селу каждый вечер, искал ра-

боту – кому дров наколоть, кому ещё чем подсобить. Благо, силой природа не обделила.

Трудная служба в армии пришлась на тяжёлые годы перед новым тысячелетием. Мрачность новобранца стала причиной для ненависти среди зелёных юнцов и в кругу офицеров. Все два года службы в Биробиджанской военной части, куда его определили, над Мирославом издевались как могли: часто били, давали наряды вне очереди, заставляли выполнять тяжёлую, грязную работу. Со скрипом он преодолел все испытания.

Дома он обнаружил запустение. Повсюду скопилась пыль, паутина красовалась в каждом углу. Сказалась воспитанная во время военной службы привычка к уборке. Мирослав быстро навёл порядок. К счастью, жители Лазо, хорошо знакомые с его родителями, не дали разграбить дом.

За прошедшие годы парень вовсе позабыл о творчестве и дарованной им радости. Но что-то в душе постоянно просилось, рвалось наружу, а успокоения в родных стенах Мирослав найти не мог. Тогда он отправился в ближайший лес. В двадцатилетнем возрасте ощутил таинство единства с природой. Гуляя по березняку и вдыхая свежий воздух, парень почувствовал: печали и горести отходят на второй план; истаивает злость на людей; постепенно приходит умиротворение, а следом – и вдохновение. Слова и мысли пошли сплошным потоком. Мирослав постарался их запомнить. Дома он записал их на бумаге, получился пронзительный рассказ –

исповедь отслужившего в армии, что вместо благородного дела – защищать Родину – ему пришлось два года драить полы и чистить унитазы.

С того дня Мирослав потихоньку возвращался к искусству. Конечно, ему пришлось устроиться на работу – снова подсобную, то дворником, то грузчиком или косарем. В селе с каждым годом становилось всё меньше жителей, и далеко не все нуждались в подобных услугах.

Вымотался на работе или нет, в любом случае Мирослав отправлялся вечером на природу. Только там он радовался жизни, улыбался широко и открыто. Лишь в тайге пел песни собственного сочинения, писал рассказы, читал свои стихи, запоминал пейзажи для будущих картин – краски, холсты и мольберт купил через пару лет упорного труда.

Все произведения создавал пока для себя, для отдохновения души, чтобы отвлечься от мрачных мыслей. Показать другим боялся: помнил, как жестоки бывают люди, Мирослав не желал раскрывать талант. Не хотел насмешек и критики, опасался, вдруг кто-нибудь пьяный ворвётся в дом да уничтожит все рукописи и созданные картины. Подобное случилось однажды, не с ним, с мамой, умеющей хорошо рисовать. Она рассказала сыну, как однажды пьяная компания загуляла рядом с домом. Подвыпившие застучали в дверь и громко потребовали денег. Жила она тогда в одиночестве, а потому боялась открывать незнакомым, агрессивным настроенным мужчинам. Тогда, не дождавшись желаемого, они ста-

ли крушить всё, что находилось на веранде, в том числе нарисованные картины.

Друзей и знакомых у Мирослава почти не водилось. Корнев привык к одиночеству, сжился с его крепким панцирем. Иногда метко сравнивал: словно разносил неудобное пальто. Другие работники не общались с замкнутым в себе мужчиной, вдобавок непьющим.

Родственников, живущих в Лазо или окрестностях, не осталось. Мирослав знал, что у него есть два двоюродных брата, один в Москве, другой во Владивостоке. Но начинающий автор стеснялся вести с ними переписку, опасался, что разбогатевшие за счёт собственного бизнеса кузены просто-напросто его засмеют или не захотят общаться с бедно живущим чудаком.

Всё проходит, всё изменяется. Однажды к Мирославу приехал кузен, Владимир Корнев. Он явился поздно вечером, когда Мирослав собирался спать. Громкий стук заставил вздрогнуть от неожиданности. Что-то в сердце подсказало: добром это не кончится. Но разве можно не открыть родственнику, уставшему с дороги?

– Здоров, кузен! – полный мужчина с рыжей бородкой вошёл внутрь и протянул руку. Мирослав подметил, что у забора припаркован крутой джип, правда, не знал марки, поскольку не интересовался автомобилями.

Владимир пожал протянутую руку, осмотрелся и заметил:
– Бедновато живёшь. Ну ничего, скоро мы это исправим.

От непререкаемого тона пошли мурашки по коже.

– Мне хватает, – произнёс Мирослав. – Раздевайся, приходи, я тебя чаем угощу. Мы столько лет не виделись!

– Да-а, – протянул Владимир. – За двадцать лет многое изменилось. Теперь мы не те неразумные пацаны.

Он сплюнул, словно сам стремился забыть детство.

– Чай, конечно, это хорошо, но у меня в багажнике есть пара бутылок текилы. Хочешь, принесу?

– А что это? – удивился Мирослав незнакомому названию.

– Ну ты, брат, даёшь! Спиртное, – ответил Владимир и неодобрительно покачал головой.

– Нет, спасибо, я не употребляю, – отказался Мирослав.

– Тогда понятно, почему не знаешь. Ну ладно, ты суетись, а я всё-таки принесу, не могу с дороги отказаться.

Владимир вышел, а щуплый по сравнению с ним Мирослав лишь пожал плечами. Годы изменили мальчишку, которого он знал в детстве, пока тот не уехал во Владивосток. Не осталось в глазах родственника весёлости, задора, наслаждения жизнью. Владимир преобразился в совсем другого человека; позже выяснилось, изменился не в лучшую сторону.

За чаем они сначала болтали о том, о сём. Затем Владимир не выдержал, налил себе текилы, насыпал соли на ладонь, лизнул, отхватил дольку лимона, выпил, закусил солёным огурцом из запасов Мирослава – тот принёс одну из заготовленных на зиму банок. После этого разговор перетёк в другое русло.

– Нет, кузен, хватит дворником да грузчиком работать. Я никогда бы до такого не опустился. – Владимир рубанул воздух правой ладонью. – Вот что предлагаю. Давай мы переоборудуем часть дома под магазин. Буду привозить товары, ты их станешь продавать, часть прибыли мне, остальное всё твоё. Как тебе такое предложение?

Вопреки ожиданиям Владимира, кузен не загорелся мыслью.

– Зачем? – непонимающе спросил Мирослав. – Мне на жизнь хватает.

– Да что это за жалкое существование? – Владимир обвёл руками всю комнату. – Нет, кузен, ты ещё не видел настоящей жизни. Решено: завтра вызываю бригаду строителей, они забабакуют магазин, такого в этих краях ещё не видели!

Мирослав осознал, что кузен давно всё решил за него, спорить бесполезно. Накатила волна подавленности, безысходности: ничего не противопоставит Владимиру – тот и без согласия брата осуществит задуманное, чтобы получить прибыль.

Одна из комнат в доме почти всё время пустовала, в ней Мирослав хранил нарисованные картины. Владимир при осмотре дома после ужина даже не обратил внимания на художества. Он потёр ладони и произнёс:

– Эта комната подойдёт под магазин. Вот что: я сегодня переночую, а завтра сделаю один звонок, и сюда приедут строители. А ты пока барахло лишнее убери.

Судя по тону, Владимир не догадался, что рисунки принадлежат Мирославу. Скорее всего, он решил, что кузен хранит их как наследие матери.

Даже слова поперёк вымолвить хозяин дома не решился: понимал, что брат всё равно сделает по-своему. С молчаливой обречённостью он принялся перетаскивать холсты в другую комнату, благо, там нашлось для них свободное местечко. «Не ценит у нас народ искусство, – подумал Мирослав. – Все только о деньгах размышляют».

Так его жизнь резко изменилась. Он каждый день просыпался не от петушиного звонкого крика в соседском дворе, а от резких звуков дрели. Бригада молдаван-строителей по воле Владимира поселилась прямо в той комнате, где работала. Пятеро парней мгновенно превратили помещение в филиал свинарника. Мирослав не переставал удивляться, как они живут в грязи и пыли. Он старался со строителями не общаться.

Владимир подсуетился, чтобы кузен больше не числился на унизительной должности дворника. Он вечерами надоедал «нравоучениями» на тему: «Как побольше забашлять в бизнесе».

Мирослав каждый день старался уйти от окружающего бедлама подальше, как обычно – на природу. Поэтому с утра он, прихватив с собой немного еды, крепко запирал двери в остальные помещения дома, чтобы молдаване туда не пробрались, и уходил в лес на прогулку.

На второй день после коренного изменения жизни на смену душевной боли снизошло вдохновение. Так Мирослав начал писать роман, где он изменил смысл произошедшего. Обычный дом стал памятником архитектуры, а вместо магазина решили возвести особняк. Дальше фантазия отправилась в свободный полёт, и за два месяца стройки написал половину романа. Мирослав увлечённо строчил, как сельчане защитили старые здания, добились успеха. Увы, в реальной жизни дело обстояло иначе.

Ещё через месяц молдаване наконец уехали. Мирослав вошёл в комнату... и не узнал её. Теперь вместо ветхих досок на полу лежала красивая узорчатая плитка. Напрочь прогнившие шкафы строители выкинули, вместо них стояли высокие, до натяжного потолка, стеллажи. На стенах выложили замысловатую мозаику. Вместо лампочки на проводе наверху расположились несколько длинных узорчатых плафонов с мягким белым светом.

Во время стройки Владимир почти не показывался, занимался делами во Владивостоке, но после ремонта вновь приехал в Лазо. Он остался доволен результатом и похвалил молдаван. Видимо, подгонял их, поскольку от соседей Мирослав узнал, что та же самая бригада почти год ремонтировала здание почты.

Конечно, комната преобразилась, но вид у неё стал совершенно безжизненный. Мирослав совсем не обрадовался заявлению Владимира: в этом помещении придётся торчать за

прилавком до вечера. Но делать нечего, такова работа.

Молдаване сделали вход в магазин со стороны двора, пристроили крылечко. Вскоре завезли первые товары. К удивлению Мирослава (ожидал открытия продуктового), в ящиках он обнаружил канцелярские товары, посуду, сувениры и детские игрушки. «Но всё это не нужно жителям села, ну разве что дети придут», – подумал он. Как выяснилось, ошибся. В первый день торговли у него приобрели много посуды и ручек, бумаг, скрепок и прочей офисной мелочи. Поскольку Мирослав раньше ничем подобным не интересовался, то и не знал, что в селе открылись несколько юридических офисов и экономических контор.

Но работа удовольствия не доставляла, вдобавок, осталось мало времени для романа. Подступала зима, смеркалось всё раньше, а магазин работал до семи вечера. Кое-какое время удавалось поймать в обед, но вдохновение редко приходило к Мирославу, когда он сидел дома. А на природу выбирался всё реже.

Выпал первый снег. Раньше Мирослав с удовольствием каждый вечер отправлялся в тайгу на лыжах. Теперь прогулки совершал только по воскресеньям посреди дня. После семи-восьми километров он останавливался в любом живописном месте, присаживался, доставал из заплечного рюкзака листы и продолжал роман. Произведение продвигалось медленно.

Поначалу Владимир часто гостил у кузена. Всякий раз во

время его визитов плюс пару дней после них у Мирослава случался творческий кризис. Ни рукописями, ни картинами кузен не заинтересовался – попросту не обращал на них внимания. Вдобавок Мирослав забыл, когда в последний раз чисто, от всей души пел. Работа хоть и принесла больше денег, но подавила творческое начало, словно подтвердила теорию, что её название происходит от слова «раб».

Потом гость из Владивостока убедился, что торговля идёт всюю и магазин приносит прибыль, стал приезжать всё реже, только чтобы получить положенную долю выручки. Мирослав неохотно разговаривал с кузеном, поскольку Владимир всё время вёл речь о деньгах. Однажды на предложение поторговать немного книгами владелец магазина возразил:

– Нет, это в наши времена не прибыльно. Проза неактуальна, поэзия – тем более.

Переубедить Владимира не удалось, он понимал только язык цифр и денег, и в этом торгашеском сленге, похоже, не нашлось места для искусства и культуры.

Единственной радостью в жизни для Мирослава стал роман. Потихоньку повествование подходило к финалу. К весне автор поставил последнюю точку. Вместе с ней ушла и радость творчества. Роман закончен, а сил написать новое у Мирослава не осталось. Он слышал, якобы так происходит со многими настоящими писателями: после долгого труда над произведением наступает затишье, когда выплеснуты все творческие силы, их невозможно быстро восстановить.

Поэтому Мирослав не считал писателями тех, кто умудрялся выдать пять и более романов в год.

Кроме прочего, автора терзало одиночество. Однажды в надежде встретить суждённую половинку написал стихотворение:

Есть ли призрачный шанс разогреть нежность
И почувствовать горенье сердец?
Ужель застилает глаза безбрежность,
Та, кому имя "слепец и гордец"?
Да, отвергаю порой позолоту,
Но под нею – часто ржавая чернь,
Ищу крылья, что готовы к полёту,
Не люблю, когда живёт в душе зверь.
Где же ты, моя милая молния,
Что ударит – и душу разожжёт?
Где мечта, словно яркое полымя?
Нет пока – словно надежду под гнёт.
Но я знаю – найду обязательно,
Глотну вдох неистойвой свежести,
И расстелется белою скатертью
Мир моей искрящейся нежности!

Написанное порой сбывается. В мае произошло ещё одно событие, когда вдохновение вернулось, появилось желание написать прекрасное произведение.

Гости в село Лазо заглядывали редко. Обычно останавливались возле живописных уголков, чтобы сфотографироваться или просто погулять на природе. Воскресным днём Мирослав неспешно брёл вдоль речки с надеждой, что творческие силы вскоре вернуться. В двадцати метрах от него ехала машина, затем свернула к берегу и остановилась. Наружу вышла пожилая пара. Они принялись делать селфи на фоне природы. Издалека Мирослав видел, что в салоне машины кто-то сидит. Его не особо интересовало происходящее, пока из машины не вышла живая богиня.

Русые волосы ниспадают до пояса, точёные руки, высокая вытянутая фигура, расшитое славянскими узорами платье, изящные, но сильные ступни – всё сложилось в единый неземной образ. Мирославу вспомнилась песня группы «Пикник» – «Русы косы, ноги босы».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.